

22 МАР 1980

ГЕРОЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА, НАРОДНОМУ ПИСАТЕЛЮ АЗЕРБАЙДЖАНА СУЛЕЙМАНУ РАГИМОВУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 80 ЛЕТ.

ФРЕСКА НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

Исполняется восемьдесят лет писателю Сулейману Рагимову. Сейчас трудно найти человека, который бы не знал о его прославленном романе «Шамо». В этом произведении писатель выступил как новатор, и чем многостороннее анализ идейных и художественных особенностей произведения, чем глубже попытка рассмотреть его творческий поиск в общем литературном потоке социалистического реализма, тем примечательнее наши открытия.

Истинное произведение искусства выходит из самых недр жизни. И замысел «Шамо», возникший под впечатлением от рассказа товарища — школьного учителя, стал тем зерном, который, упав в благодатную почву, начал расти. «Я и не думал, что это «зернышко» даст такой росток и такие плоды», — говорил Сулейман Рагимов, спустя много лет.

Легко можно представить, как история молодого человека, идущего навстречу новой жизни, постепенно обрастала все новыми и новыми деталями и сюжетными подробностями, в которых обнаруживалось стремление к широкой эпике. Происходило следующее: постижение человеческой судьбы в координатах народной жизни невольно вело в глубь темы.

История обездоленных крестьян некоего горного селения вряд ли могла выйти к тем рубежам, где видны судьбы всей страны, всего народа, если бы автор не отразил бы размах и мощь революционной борьбы, в которую, как в широкое русло, вливалась и судьба шахинцев; если бы не вывел действия в масштабах рабочих, солдат, крестьянства, не показал роли большевистских идей, не показал реальных творцов истории и самую эту историю.

Вот лишь немногие детали этой фрески: Шамо среди своих односельчан, когда село раскололось на два лагеря. Или во время сходки на Соколиной скале. Представитель бакинских рабочих рассказывает о событиях, происшедших в пролетарском Баку, провозгласившем Советскую власть, о подломе предательства и расстреле бакинских коммунистов в песках Закатия. Еще один эпизод о Шамо: в землянке, где он и его невеста Гамер справляют скромную свадьбу, появляются стражники, чтобы отпраздновать жениха и его товарищей под конвоем в горы, в окопы, в которых мерзнут и гибнут крестьянские парни, одетые в солдатские шинели.

«Частные» истории, исполненные трагизма, влетающие в композицию огромной фрески и обуславливают ее единство, ее новое качество. Действуют толстовские законы «сцепления». Но у этой бесконечной цепи есть центры, есть смысловые акценты, есть подтекст, выстраивающий целое. Один из

центральных эпизодов, к которому будет возвращаться автор не раз, намерено повторяться, — подвиг Шамо. Лучами сходятся к нему отдельные мизансцены и эпизоды всей панорамы. Он выразителен и в своей пластичности, монументальной живописности: Шамо, сраженный офицерской пулей в окопах Дагбаша, когда он пытался открыть глаза своим товарищам на суть происходящих событий; его платок, смоченный кровью и поднятый на палке, как знамя...

Стремясь отобразить диалектику классовой борьбы во всем ее размахе и величии, автор естественно, уделяет большое внимание активной действующей силе истории — пролетариату, его революционному авангарду — партии большевиков. Мы станем свидетелями как бы сводящимися организаторской работы партии и ее руководителей. На этих-то страницах эпопеи и сближается с историческим романом, образы легендарных героев, представляющих народную среду (Шамо, Фарзали и другие), оказываются рядом с образами реальных исторических деятелей. Шамо встречается с Наримановым, художественный вымысел и исторический факт соединяются, рождая органический синтез. Легенда и реальность взаимодействуют, создавая особый повествовательный сплав. Эпический рассказ с его вымышленными героями, колоритными персонажами и сильными характерами обретает черты конкретного историзма. И точно так же, как менялось отношение автора к своему детищу на протяжении нескольких десятков лет, пока создавался роман, менялось и впечатление, какое оставлял «Шамо» в разные годы его прочтения. Небольшое повествование традиционной романной структуры превращается в сюжетно разветвленный, многоплановый и многогеройный роман — эпопею.

Укреплялась связь автора с народным твор-

чеством. Подобно дастану, роман расширялся за счет «дополнительных» вставных эпизодов и сцен, которые «привыкали» к сквозному действию, все более обставляли собой в произведении людей и событий повествователь. Подобные принципы развития сюжета свойственны любому эпосу и в том числе дастанам «Кероглы», «Асли и Керем», «Гачаг Наби», в которых сплавлены не только народная мудрость, опыт, но и самый склад мышления народа, эпическое понимание событий и жизненных судеб. И не случайно, что автор не раз упоминает об этих дастанных героях в «Шамо», даже проводит явные параллели...

Несмотря на отчетливую социальную и временную обусловленность современной личности, ее связей с окружающим миром (или, быть может, именно поэтому), литература не утратила интереса к извечным понятиям и темам, к тому, что определяет константы жизни: ее зарождение, ее развитие, ее завершение, а также радость, любовь, горе, борьбу, смерть и тому подобные «сопутствующие» жизни понятия, или точнее — составляющие содержание самой жизни. Вот почему поэтика мифа не утратила своего значения в современной прозе, обратившейся «в глубь человека». С. Рагимов, воссоздавая жизненные перипетии своих любимых героев, относящихся к разноразной истории, не только включил в оборот такой миф (в повестях «Матабан», «Хаджар» и др.), но, более того, порой сам занимается мифотворчеством, о чем свидетельствуют, например, «Шукюран и Улдуз», или «Зеркальное озеро».

Пожалуй, не найти среди писателей-романистов С. Рагимова, а также представителей среднего и младшего поколения такого, кто так широко, как это делает сам Рагимов, обращался бы к самым различным жанрам и формам литера-

турного и фольклорного характера, начиная от романа-эпопеи и, кончая легендами, притчами, сказками и т.п. Можно сказать и так: писатель, кровно связанный с народной жизнью, не обращается к таким жанрам, в которых невозможно вырастить эту связь. Однако она нужна ему для новых целей. Читая С. Рагимова, вновь и вновь видишь, что уже не такой «отвлеченной» является ее смысл. Даже в сказке (например, «Рыба хохочет») прослеживается связь с историей. В «мифологии» С. Рагимова ощущается преемственность лучших традиций восточного эпоса, в частности, азербайджанской литературы, начиная с Низами, клеймившего деспотических правителей, а таков именно и шах-самодур в сказке С. Рагимова, вплоть до М. Ф. Ахундова и его повести «Обманутые

звезды». Идея сказки — неизбежность крушения монархии и деспотического режима «восточного типа». Сейчас можно сказать, что писатель словно предвидел крах монархических режимов в Афганистане, в Иране.

Но можно увидеть перекличку и с интернациональным художественным наследием, с опытом М. Горького, например, с его романтическими легендами. В диалоге, который ведут в «Зеркальном озере» коварный, подлый Шакал и честный, справедливый Гаджала (Сорока), можно уловить реминисценции из «Песни о Соколе». «Шукюран и Улдуз» также созвучна ранним романтическим произведениям М. Горького, которого высоко чтит С. Рагимов. В «Шукюран и Улдуз», так же, как в «Песне о Соколе», «Песне о Буревестнике», «Старухе Изергиль», контрастно противопоставляются добро

и зло, широко представлена романтика и аллегория, кипят неугасимые страсти, сталкиваются жестокость и благородство, эгоизм и самопожертвование на пестром «экзотическом» фоне. Поздний «рецидив» романтизма в творчестве С. Рагимова органически вытекает из всего его мироощущения. Ведь извечная борьба добра и зла, любви и ненависти, угнетения и свободы всегда составляла основной конфликт в произведениях народного творчества.

Есть определенная связь между отдельными, даже самыми отдаленными по времени написания, по теме или проблематике, произведениями писателя. Отражая его мировоззрение, в котором диалектика борьбы составляет главный философский принцип, исходный мотив, его произведения разных времен составляют нечто единое, цельное, воспринимаются как части огромной исторической панорамы, задуманной и осуществленной с философских позиций.

Выявив эти постулаты и обнаружив истоки романтического мироощущения писателя, его тягу к романтической гиперболизации, к гротеску, к контрастным противопоставлениям в фольклоре, мы начинаем по-новому воспринимать и его повести-легенды, притчи и сказки. Рамки фрески, о которой мы говорили выше и которая воспроизводит эпизоды жизни и борьбы народа («Шамо»), как бы раздвигаются, вмещая новые сюжеты и сцены, воспроизводящие и наши дни, и далекое прошлое, и людей, и окружающий их мир, населенный живыми и птицами. Сцены реальной жизни соседствуют с аллегорическими, героика борьбы — с бытом, или природой.

Но в ней, в этой фреске, улавливаются преемственные линии, соединяющие, например, героизм прошлого с нашим временем. Отметим хотя бы в этом плане галерею женских образов — от Хаджар («Гачаг Наби»), Матабан из одноименной повести и продолженную образами Гамар из «Шамо», Рухсары из романа «Сачлы»...

Да, мысленно развертывая в обратном порядке воображаемые «кадры», которые могли бы запечатлеть творческий путь С. Рагимова, можно увидеть, каким широким шагом он шел от одной книги к другой, используя в них все то, что диктовало само время, что соответствовало новому взгляду на действительность, новому пониманию задач, встававших перед литературой. И создавая одновременно грандиозную фреску народной жизни...

Гасан ГУЛИЕВ.

ПИСАТЕЛЬ ПРАВДЫ

Ш. АЛИЕВ.

Герой Социалистического Труда, фрезеровщик Кишиневского машиностроительного завода.

К литературе я имею отношение только как читатель и, конечно, редко задумываюсь над тем, как это удастся писателям написанное на бумаге превратить в живые лица, в судьбы, за которыми следить, в людей, жизнью которых некоторое время живешь. Знаменитый роман Сулеймана Рагимова «Шамо» я перечитывал несколько раз. Помню в первый раз после того, как были прочитаны страницы о гибели главного героя, я долго не находил себе места: было горько за него, но и радостно, что человек все же сильнее обстоятельств, что революция и ее идеи побеждают в конце концов, через жертвы, трудности, но побеждают.

А ведь это наша правда. Нам тоже не всегда легко. Но мы идем вперед, мы делаем жизнь лучше. И если это нам удастся, то во многом благодаря таким литераторам, как наш аксакал, наш Сулейман Рагимов, который правдиво и высокохудожественно раскрывает суть нашей жизни.

Это глубоко знаменательно, что Сулейман Рагимов носит звание Героя Социалистического Труда. Именно труд, подвижнический труд во имя счастья на земле ценится у нас превыше всего. И в двойне ценится такой важный труд, имеющий общечеловеческий смысл, как труд писателя.

Патриарха азербайджанской советской литературы Сулеймана Рагимова давно знают не только у нас в республике, но и по всей стране. Центральные издательства «Советский писатель», «Художественная литература», «Госиздат», «Молодая гвардия» неоднократно издавали двухтомник его избранных произведений, его романы и повести «Шамо», «Сачлы», «В горах Агбулага», «Мехман» и другие.

Страницы «Шамо», «Самура», «Тетради ушедших дней» звучали на грузинском, армянском, узбекском, украинском и других языках братских народов СССР.

На французском языке зарубежный читатель познакомился с повестью

НА МНОГИХ ЯЗЫКАХ

«Ключ жизни», «Братская могила», Повесть «Отец и сын» переведена на арабский язык, а «Игра» получила широкую известность в ГДР после перевода ее на немецкий язык. Повесть «Су аризиси» полюбилась испанскому и польскому читателю.

Этот список — только часть всех произведений Сулеймана Рагимова, переведенных на зарубежные языки. Дать исчерпывающую информацию о переводах почти невозможно, потому что книги Сулеймана Рагимова продолжают шествовать по свету.